

Раздел I

Г.В.Плеханов об обществе

Глава 1

Г.В.Плеханов – теоретик марксизма

В качестве знатока философии марксизма, в качестве марксистского историка европейской и русской мысли, в качестве марксистского критика и историка литературы и искусства Г.В.Плеханов не имеет себе равного.

В области философии заслугой Плеханова является то, что он ввел в обиход всех марксистов *философский материализм*, который он изучал и популяризовал, за который боролся со всеми противниками энергично и страстно.

К.Маркс и Ф.Энгельс были убежденными материалистами. Они были учениками и последователями великих французских материалистов XVIII века – Дидро, Гольбаха, Гельвеция и других. К материализму они применили «диалектический метод» Гегеля. Этому «диалектическому материализму», его изучению и развитию посвятил Плеханов много лет своей жизни и много блестящих страниц своих сочинений.

Со второй половины XIX века буржуазная интеллигенция Европы в лице ее ученых и философов стала пугаться материализма, склоняться к идеализму, религии, отрицала возможность для человека познать истину. Вся интеллигенция опиралась в своих взглядах на Канта, жившего в конце XVIII века и будто бы доказавшего несостоятельность материализма. Г.В.Плеханов взял на себя задачу вернуть материализму его настоящее значение. Он изучил Маркса, Энгельса и их учителей

– идеалиста Гегеля и материалиста Фейербаха, а также взялся за изучение старых материалистов, особенно Гольбаха и Гельвеция, и в этом отношении сделал настоящие открытия, показав, как фальсифицировали, т.е. исказили, оболгали их буржуазные профессора, показав, сколько у них свежих и оригинальных мыслей, как плодотворен и научен их метод.

Плеханов наносил меткие удары всем критикам материализма и в рядах социалистов, всем, кто этой «критикой» пытался затуманить головы рабочих. Он в спорах обрушивался не только на немецких, но и на русских социал-демократов, которые хотели соединить Маркса с Кантом (как П.Струве в 90-х годах), то с новым противником материализма – Махом (как А.Богданов). Для Плеханова отречение от философии материализма было равносильно отречением от партии.

В области философского материализма Плеханов не блестящий популяризатор и пропагандист, но настоящий исследователь и продолжатель Маркса он в области *исторического материализма*.

Исторический материализм целиком создан К.Марксом и Ф.Энгельсом. При помощи исторического материализма история впервые сделалась наукой, а не капризным сплетением случайных фактов и событий. Маркс и Энгельс дали не только общую формулировку, но и ряд блестящих примеров ее применения на практике. Тем не менее, после них оставалась еще необъятная область для исследований в духе исторического материализма, особенно для объяснения самого трудного вопроса, вопроса о происхождении и развитии идеологий: религии, права, нравственности, искусства и т.п.

И в этом отношении среди теоретиков марксизма, таких как Каутский, Кунов, Меринг в Германии, Лафарг во Франции, Лабриола в Италии, Крживицкий в Польше, Плеханову, несомненно, принадлежит первое место как по глубине и обстоятельности его исследований, так и по блеску и остроумию изложения.

Кроме развития самого метода исторического материализма Плеханов самостоятельно занимался главным образом вопросами религии и искусства, а также истории литературы.

Г.В.Плеханов развил идеи Маркса и Энгельса о законах общественного развития, об истине, о роли народных масс и личности в истории. Плеханов также один из первых марксистов обосновал и развил учение о географической среде, о роли природного фактора в жизни общества, в чем его несомненная заслуга.

Г.В.Плеханов вел борьбу с различными направлениями современного ему идеализма в философии – махизмом, эмпириокритицизмом, неокантианством.

Ниже приводятся отрывки из работ Г.В.Плеханова, которые иллюстрируют его мысли по истории философии и историческому материализму:

- «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»,
- «Очерки по истории материализма»,
- «К вопросу о роли личности в истории»,
- «Философские и социалистические воззрения К.Маркса».

1. Г.В.Плеханов. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». (цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М., 1956-1958. Т. 1. С. 510-729 выборочно)¹.

Материализм и идеализм исчерпывают важнейшие направления философской мысли. Правда, рядом с ними почти всегда существовали те или другие *дуалистические* системы, признававшие *дух* и *материю* за отдельные, самостоятельные *субстанции*. Дуализм никогда не мог ответить удовлетворительно на неизбежный вопрос о том, каким образом эти две отдельные субстанции, не имеющие между собою ничего общего, могут влиять одна на другую. Поэтому наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к *монизму*, т.е. к объяснению явлений с помощью

какого-нибудь одного основного принципа (*monos* по-гречески значит единый).

В первой половине нашего столетия в философии господствовал *идеалистический* монизм; во второй половине его в науке, с которой тем временем совершенно слилась *философия*, восторжествовал *материалистический* монизм, далеко, впрочем, не всегда последовательный и откровенный.

Нам нет надобности излагать здесь всю историю материализма. Для нашей цели достаточно будет рассмотреть его развитие начиная со второй половины прошлого века. Да и здесь нам важно будет иметь в виду преимущественно одно – правда, самое главное – его направление, т.е. материализм Гольбаха, Гельвеция и их единомышленников.

Материалисты этого направления вели горячую полемику с официальными мыслителями того времени, которые, ссылаясь на едва ли хорошо понятого ими Декарта, утверждали, что у человека существуют известные *прирожденные*, т.е. являющиеся независимо от опыта, *идеи*. Оспаривая этот взгляд, французские материалисты, собственно говоря, только излагали учение Локка, который уже в конце XVII века доказывал, что *врожденных идей не существует* (*no innate principles*).

Глава вторая. Французские историки времен реставрации.

Посмотрим, как объясняли себе французские историки времен реставрации происхождение того гражданского быта, тех имущественных отношений, внимательное изучение которых одно только и могло, по их мнению, дать ключ к пониманию исторических событий.

Гизо совершенно справедливо говорит, что политические конституции были *следствием*, прежде чем стать причиной; что общество прежде создало их, а потом уже стало видоизменяться под их влиянием. Но разве нельзя сказать тоже самое и по адресу имущественных отношений? Разве они не были в свою очередь *следствием*, прежде чем стать причиной? Разве общество не должно было создать их прежде, чем испытать на себе их решительное влияние?

Вопрос о происхождении имущественных отношений едва ли даже возникал в голове Гизо в виде строго и точно поставленного научного вопроса. В последнем анализе развитие форм собственности объяснялось у Гизо до крайности туманными ссылками на *человеческую природу*.

Ог.Тьерри, рассматривавший борьбу религиозных сект и политических партий с точки зрения «*положительных интересов*» различных общественных классов и страстно сочувствовавший борьбе третьего сословия против аристократии, объяснял происхождение этих классов и сословий *завоеванием*.

Легко видеть, что подобного рода «объяснения», не объясняя ровно ничего, лишь придавали известную картинность описанию хода умственного развития человечества (сравнение всегда ярче оттеняет свойства описываемого предмета). Легко видеть также, что, давая подобные объяснения, мыслители XVIII века вращались уже в знакомом нам заколдованном круге: среда создает человека; человек создает среду. В самом деле, с одной стороны, выходит, что умственное развитие человечества, т.е., другими словами, развитие человеческой природы, объясняется общественными нуждами, а с другой – выходит, что развитие общественных нужд объясняется развитием человеческой природы.

Это противоречие не было устранено, как мы видим, и французскими историками времен реставрации: оно лишь приняло у них новый вид.

Глава третья. Социалисты-утописты.

Социалисты-утописты этой эпохи всецело держатся антропологических взглядов французских материалистов. Точно так же, как материалисты, они считают человека плодом окружающей его общественной среды и точно так же, как материалисты, они попадают в заколдованный круг, объясняя изменчивые свойства среды неизменными свойствами *человеческой природы*.

Поскольку социалисты-утописты XIX века держались точки зрения *человеческой природы*, поскольку они лишь повторяли ошибки мыслителей XVIII столетия, - грех, которым грешила, впрочем, вся современная им общественная наука. Но у них заметно сильнее стремление вырваться из тесных пределов отвлеченного понятия и опереться на конкретную почву. Замечательнее других в этом отношении работы *Сен-Симона*.

Между тем как французские просветители чаще всего смотрели на историю человечества, как на ряд более или менее счастливо сложившихся случайностей, Сен-Симон ищет в истории, прежде всего, *законосообразности*. Наука о человеческом обществе может и должна стать столь же строгой наукой, как и естествознание. Мы должны изучить факты прошлой жизни человечества для того, чтобы открыть в них законы его *прогресса*. *Будущее* способен предвидеть только тот, кто понял *прошедшее*. Ставя таким образом задачу общественной науки, Сен-Симон обратился в особенности к изучению истории Западной Европы со времен падения Римской империи.

Сен-симонисты утверждали, что доля общественного продукта, которая достается эксплуататорам чужого труда, постепенно уменьшается. Такое уменьшение являлось в их глазах важнейшим законом экономического развития человечества. В доказательство они ссылались на постепенное понижение уровня *процента* и *поземельной ренты*. Если бы они держались в этом случае приемов строгого научного исследования, они должны были бы найти экономические причины указываемого ими явления, и для этого им нужно было бы внимательно изучить производство, воспроизведение и распределение продуктов. Сделай они это, они увидели бы, может быть, что понижение уровня процента или даже поземельной ренты, если оно действительно имеет место, вовсе еще не доказывает уменьшения доли собственников. Тогда их экономический «закон» получил бы, конечно, совершенно другую формулировку. Но им было не до того. Уверенность во всемогуществе таинственных законов, вытекающих из природы

человека, направила работу их мысли совершенно в другую сторону.

Мы уже знаем, что историки времен реставрации, в противоположность просветителям XVIII столетия, рассматривали политические учреждения всякой данной страны как результат ее гражданского быта. Этот новый взгляд до такой степени распространился и усилился в то время, что доходил в применении к практическим вопросам до странных, теперь уже непонятных нам крайностей. Так, Ж.Б.Сэй утверждал, что политические вопросы не должны интересовать экономиста, потому что народное хозяйство может одинаково хорошо развиваться даже при диаметрально противоположных политических порядках. Эту мысль Сэй с похвалой отмечает Сен-Симон, влагая в нее, правда, несколько более глубокое содержание. За весьма немногими исключениями, все утописты XIX века разделяют такой взгляд на «политику».

Теоретически этот взгляд ошибочен в двух отношениях. Во-первых, державшиеся его люди забывали, что в общественной жизни, как и всюду, где мы имеем дело с *процессом*, а не с отдельным явлением, следствие в свою очередь становится причиной, а причина оказывается следствием; короче, они покидали здесь, очень некстати, ту самую точку зрения *взаимодействия*, которою в других случаях, и тоже некстати, ограничивался их анализ; во-вторых, если *политические* отношения являются следствием *социальных*, то непонятно, каким образом до крайности различные следствия (политические учреждения диаметрально противоположного характера) могут быть вызваны одной и той же причиной — одинаковым состоянием «богатства». Очевидно, что тут самое понятие о причинной связи политических учреждений страны с ее экономическим состоянием остается еще до крайности туманным. И действительно, нетрудно было бы показать, как туманно оно у всех утопистов.

Политический строй есть следствие, а не причина. Следствие всегда остается следствием, не становясь в свою

очередь причиной. Отсюда следует почти прямой вывод, что «политика» не может служить средством осуществления общественно-экономических «идеалов». Понятна поэтому психология утописта, отворачивающегося от политики. Но на что же рассчитывали они в деле осуществления своих планов общественного преобразования? Что лежало в основе их практических упований? *Все и ничто*. *Все* — в том смысле, что они безразлично ожидали помощи с самых противоположных сторон. *Ничто* — в том, что нее их надежды были совсем неосновательны.

Утописты воображали себя чрезвычайно практичными людьми. Они ненавидели «доктринеров», и все самые громкие их принципы они, не задумываясь, приносили в жертву своим *idées fixes*. Они не были ни либералами, ни консерваторами, ни монархистами, ни республиканцами; они безразлично готовы были идти *и с либералами, и с консерваторами, и с монархистами, и с республиканцами*, лишь бы осуществить свои «*практические*» и, как им казалось, чрезвычайно *практичные* планы.

Интересно, что еще у французских просветителей является мысль об избежании капитализма. Так, Гольбах сильно сокрушается о том, что торжество конституционного порядка в Англии повело к полному господству *de l'intérêt sordide des marchands*. Его очень печалит то обстоятельство, что англичане неустанно ищут новых рынков. Такая погоня за рынками отвлекает их от философии. Гольбах осуждает также существующее в Англии неравенство имуществ. Ему, как и Гельвецию, хотелось бы подготовить торжество разума и равенства, а не купеческих интересов. Но ни Гольбах, ни Гельвеция и ни один из просветителей не мог противопоставить тогдашнему ходу вещей ничего, кроме панегириков разуму нравоучительных наставлений. В этом отношении они были так же бессильны, как наши, современные нам, русские утописты.

Еще одно замечание — и мы покончим с утопистами. Точка зрения «*человеческой природы*» вызвала в первой половине XIX века то злоупотребление *биологическими* аналогиями, которое и до сих пор дает очень сильно чувствовать себя в западной

социологической, а особенно в русской quasi-социологической литературе.

Если разгадки всего исторического общественного движения надо искать в природе человека и если, как справедливо заметил еще Сен-Симон, общество состоит из индивидуумов, то природа индивидуума и должна дать ключ к объяснению истории. Природу индивидуума изучает *физиология* в обширном смысле этого слова, т.е. наука, охватывающая также и *психические явления*. Вот почему физиология в глазах Сен-Симона и его учеников являлась основой *социологии*, которую они называли *социальной физикой*.

Глава четвертая. Идеалистическая немецкая философия.

Материалисты XVIII века были твердо уверены, что им удалось нанести смертельный удар идеализму. Они смотрели на него, как на устарелую, навсегда покинутую теорию. Но уже в конце того века начинается реакция против материализма, а в первой половине XIX столетия сам материализм попадает в положение системы, которую считают устарелой, окончательно похороненной. Идеализм не только снова воскресает к жизни, но и получает небывалое, поистине блестящее развитие. На это были, конечно, свои общественные причины, но мы, не касаясь их здесь, рассмотрим только, имел ли *идеализм* XIX века какие-нибудь преимущества перед *материализмом* предыдущей эпохи и если да, то в чем эти преимущества заключаются.

Французский материализм обнаруживал поразительную, просто мало вероятную ныне, слабость всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с вопросами развития в природе или в истории. Возьмем хоть *происхождение человека*. Хотя мысль о *постепенном развитии* этого вида и не казалась материалистам «*противоречивой*», но они считали такую «догадку» очень мало вероятной.

Столь же плохо умели объяснить французские материалисты и явления *общественного* развития. Различные системы «законодательства» изображаются ими исключительно как плод сознательной творческой деятельности

«законодателей»; различные религиозные системы — как плод хитрости жрецов и т.д.

Это бессилие французского материализма перед вопросами развития в природе и в истории делало очень бедным его философское содержание. В учении о природе содержание это сводилось к борьбе против одностороннего понятия *дуалистов* о материи; в учении о человеке оно ограничивалось бесконечным повторением и некоторым видоизменением локковского положения: *нет врожденных идей*. Как ни полезно было такое повторение в борьбе против отживших нравственных и политических теорий, серьезное научное значение оно могло иметь только в том случае, если бы материалистам удалось применить свою мысль к объяснению духовного развития человечества.

Неудивительно поэтому, что способным и талантливым людям, не вовлеченным в ту борьбу общественных сил, в которой материализм являлся страшным теоретическим оружием крайней левой партии, это явление казалось *сухим, мрачным, печальным*. Так отзывался о нем, например, Гете. Чтобы этот упрек перестал быть заслуженным, материализм должен был покинуть сухие, отвлеченные рассуждения и попытаться понять и объяснить с своей точки зрения «живую жизнь» сложную и пеструю цепь конкретных явлений. Но в своем тогдашнем виде он не способен был решить эту великую задачу, и ею овладела *идеалистическая философия*.

Главным, конечным звеном в развитии этой философии является гегелевская система, поэтому мы и будем указывать преимущественно на нее в нашем изложении.

Гегель называл *метафизической* точку зрения тех мыслителей — безразлично, идеалистов или материалистов, — которые, не умея понять процесса развития явлений, поневоле представляют их себе и другим как застывшие, бессвязные, неспособные перейти одно в другое. Этой точке зрения он противопоставил *диалектику*, которая изучает явления именно в их развитии и, следовательно, в их взаимной связи.

По Гегелю, диалектика есть *принцип всякой жизни*.

Всякое движение есть диалектический процесс, живое противоречие, а так как нет ни одного явления природы, при объяснении которого нам не пришлось бы в последнем счете апеллировать к движению, то надо согласиться с Гегелем, который говорил, что *диалектика есть душа всякого научного познания*. И это относится не только к познанию природы.

Как необходимое предохранительное средство против посползновения уклониться от истины в угождение личным желаниям и предрассудкам был выставлен Гегелем знаменитый «диалектический метод мышления». Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать: нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Объяснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которою прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям...

Итак, с одной стороны, нам говорят, что отличительной чертой Гегелевской философии было самое внимательное исследование действительности; самое добросовестное отношение ко всякому данному предмету; изучение его среди его живой обстановки, при всех тех обстоятельствах времени и места, которые обуславливают или сопровождают его существование. Показание Н.Г.Чернышевского тождественно в этом случае с показанием Ф.Лассалья. А с другой стороны, нас хотят уверить, что эта философия была пустой схоластикой, весь

секрет которой состоял в софистическом употреблении «триады».

По словам Энгельса, заслуга Гегеля заключается в том, что он первый взглянул на все явления с точки зрения их *развития*, с точки зрения их возникновения и уничтожения.

Если современное естествознание на каждом шагу подтверждает гениальную мысль Гегеля о переходе количества в качество, то можно ли сказать, что оно не имеет ничего общего с гегельянством?

Философия XVIII века воспользовалась для своих целей естественно-научными открытиями и теориями предыдущей эпохи, но сама она занималась естественными науками разве в лице Канта; во Франции на первый план выступили тогда *общественные вопросы*. Те же вопросы продолжали главным образом занимать собою, хотя и с другой стороны, и философов XIX столетия.

Если все течет, все изменяется; если всякое явление само себя отрицает; если нет такого полезного учреждения, которое не стало бы, наконец, вредным, превратившись таким образом в свою собственную противоположность, то выходит, что нелепо искать «совершенного законодательства», что нельзя придумать такое общественное устройство, которое было бы *лучшим* для всех веков и народов: все хорошо на своем месте и в свое время. Диалектическое мышление исключало *всякие утопии*.

Старый, но вечно новый вопрос *о свободе и необходимости* возникал перед идеалистами XIX века, как возникал он перед метафизиками предшествующего столетия, как возникал он решительно перед всеми философами, задавшимися вопросами об *отношении бытия к мышлению*. Он, как сфинкс, говорил каждому из таких мыслителей: *разгадай меня, или я пожру твою систему!*

Но что такое материя? Я думаю, что она обязана своим существованием духу, и не в том смысле, что она *создана духом*,

А в том, что она сама есть *тот же дух*, но только существующий в другом виде. Этот вид не соответствует его истинной природе, он даже прямо противоположен ей, но это не мешает ему быть видом существования духа, потому что по самой природе своей дух должен превращаться в свою собственную противоположность. – Вас может удивить и это рассуждение, но вы, во всяком случае, согласитесь, что человек, признающий его убедительным, человек, видящий в материи лишь «*инобытие духа*», не смутиться теми объяснениями, которые материи приписывают функции духа или функции этого последнего ставят в тесную зависимость от законов материи. Такой человек может принять *материалистическое объяснение* психических явлений и в то же время придать ему (с натяжками или без натяжек – это другой вопрос) строго *идеалистический смысл*. Так и поступали немецкие идеалисты.

Итак, что же мы узнали об идеалистах-диалектиках?

Они покинули точку зрения человеческой природы и благодаря этому отделались от утопического взгляда на общественные явления, стали рассматривать общественную жизнь как необходимый процесс, имеющий свои собственные законы. Но окольным путем олицетворения процесса нашего логического мышления (т.е. одной из сторон *человеческой природы*) они вернулись к той же неудовлетворительной точке зрения, и *потому им осталась непонятной истинная природа общественных отношений*.

Глава пятая. Современный материализм.

Несостоятельность идеалистической точки зрения в деле объяснения явлений природы и общественного развития должна была заставить и действительно заставила *мыслящих людей* (т.е. не эклектиков, не дуалистов) вернуться к материалистическому взгляду на мир. Но новый материализм не мог уже быть простым повторением учений французских материалистов конца XVIII века. Материализм воскрес, обогащенный всеми приобретениями идеализма. Важнейшим из этих приобретений был *диалектический метод*, рассмотрение явлений в их

развитии, в их возникновении и уничтожении. Гениальным представителем этого нового направления был *Карл Маркс*.

Маркс не первый восстал против идеализма. Знамя восстания было поднято *Людвигом Фейербахом*. Затем, несколько позже Фейербаха, выступили на литературную сцену *братья Бауэры*, взгляды которых заслуживают особенного внимания со стороны русского читателя.

Взгляды Бауэров были реакцией против идеализма Гегеля. И тем не менее они сами были насквозь пропитаны очень поверхностным, односторонним, эклектическим идеализмом.

Мы видели, что немецким идеалистам не удалось понять истинную природу, найти реальную основу общественных отношений. Они видели в общественном развитии необходимый, законосообразный процесс, и в этом случае они были совершенно правы. Но когда заходила речь об основном двигателе исторического развития, они обращались к абсолютной идее, свойства которой должны были дать последнее, самое глубокое объяснение этого процесса. В этом заключалась слабая сторона идеализма, против которой и направилась, прежде всего, философская революция: крайнее левое крыло гегелевской школы решительно восстало против «абсолютной идеи».

Чтобы понять исторические взгляды Маркса, нужно припомнить, к каким результатам пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению. Французские историки времен реставрации пришли, как мы знаем, к тому убеждению, что «гражданский быт» – «имущественные отношения» составляют коренную основу всего общественного строя. Мы знаем также, что к тому же выводу пришла, в лице Гегеля, и идеалистическая немецкая философия – пришла против воли, вопреки своему духу, просто в силу недостаточности, несостоятельности идеалистического объяснения истории. Маркс, усвоивший себе все результаты научного знания и философской мысли своего времени, вполне сходитя относительно указанного вывода с французскими историками и с

Гегелем. Я убедился, говорит он, что «правовые отношения и государственные формы не объясняются ни своей собственной природой, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, назвал «гражданским обществом», анатомию же гражданского общества надо искать в его экономии».

Но от чего же зависит *экономия* данного общества? Ни французские историки, ни социалисты-утописты, ни Гегель не могли ответить на это сколько-нибудь удовлетворительно. Они – прямо или косвенно – все ссылались на человеческую природу. Великая заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит *вне* человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из *окружающей его внешней природы*. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу». В этих немногих словах содержится сущность всей исторической теории Маркса, хотя, разумеется, взятые сами по себе, они не дают о ней надлежащего понятия и нуждаются в пояснениях.

Географическая среда оказывает не менее решительное влияние и на судьбу более крупных обществ, на судьбу государств, возникающих на развалинах первобытных родовых организаций. «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, разнообразие ее естественных произведений составляет естественную основу общественного разделения труда и заставляет человека, в силу разнообразия окружающих его естественных условий, разнообразить свои собственные потребности, способности, средства и способы производства. Необходимость установить общественный контроль над известной силой природы для ее эксплуатации в больших размерах, для ее подчинения человеку посредством

организованных человеческих усилий, играет самую решительную роль в истории промышленности». [Маркс. Капитал. Изд. 3. С. 524-526].

Таким образом, *только благодаря некоторым особым свойствам географической среды наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в toolmaking animals. И точно так же только некоторые особенности той же среды могли дать простор для употребления в дело и постоянного усовершенствования этой новой способности «делания орудий».* В историческом процессе развития производительных сил способность человека к «деланию орудий» приходится рассматривать прежде всего как *величину постоянную*, а окружающие внешние условия употребления в дело этой способности – как *величину постоянно изменяющуюся*.

Действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к «деланию орудий». *Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил.*

Недостаточно констатировать появление в данном обществе частной собственности на те или другие предметы, чтоб тем самым уже определить характер этого института. Частная собственность всегда имеет пределы, которые всецело зависят от экономии общества.

И надо сознаться, что до Маркса общественная наука не была и не могла быть точной. Пока ученые апеллировали к человеческой природе как к верховной инстанции, они по необходимости должны были объяснять общественные отношения людей их взглядами, их *сознательной деятельностью*; но сознательная деятельность есть такая деятельность человека, которая необходимо должна представляться ему деятельностью *свободной*. Свободная же

деятельность исключает *понятие о необходимости*, т.е. законосообразности, а законосообразность есть необходимая основа всякого научного объяснения явлений. *Представление о свободе заслоняло собою понятие о необходимости и тем мешало развитию науки.*

Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою *определенную группировку людей* в общественном производственном процессе, т.е. *определенные отношения производства*, т.е. *определенную структуру всего общества*. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится вообще на всей *психологии* людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах. Привычки, нравы, взгляды, стремления и идеалы необходимо должны приспособиться к образу жизни людей, к их способу добывания себе пропитания (по выражению Пешеля). *Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяется ею.*

До сих пор наши положения по необходимости были очень отвлечены. Но мы знаем: *отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна*. Нам надо придать нашим положениям более конкретный вид.

Так как почти каждое общество подвергается влиянию своих соседей, то можно сказать, что *для каждого общества существует в свою очередь известная общественная, историческая среда, влияющая на его развитие*. Сумма влияний, испытываемых каждым данным обществом со стороны его соседей, никогда не может быть равна сумме тех же влияний, испытываемых в то же самое время другим обществом. Поэтому *всякое общество живет в своей особой исторической среде, которая может быть – и действительно часто бывает – очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы, но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с нею*. Это вносит чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития, который с нашей прежней,

отвлеченной точки зрения представлялся до крайности схематичным.

Влияние исторической среды, окружающей данное общество, сказывается, конечно, и на развитии его идеологий.

Идеи, чувства и верования сочетаются по своим законам. Но эти законы приводятся в действия внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами.

С точки зрения Маркса невозможно противопоставление «*субъективных*» взглядов личности взглядам «толпы», «*большинства*» и т. д., как чему-то *объективному*. Толпа состоит из людей, а взгляды людей всегда «*субъективны*», так как те или другие взгляды составляют одно из свойств *субъекта*. Объективны не взгляды «толпы», объективны те *отношения* в природе или обществе, *которые выражаются в этих взглядах*. Критерий истины лежит не во мне, а в отношениях, существующих вне меня. *Истинны* взгляды, правильно представляющие эти отношения; *ошибочны* взгляды, искажающие их. *Истинна* та естественно-научная теория, которая верно схватывает взаимные отношения явлений природы; *истинно* то историческое описание, которое верно изображает общественные отношения, существовавшие в описываемую им эпоху. Там, где историку приходится изображать борьбу противоположных общественных сил, он неизбежно будет сочувствовать той или другой, если только сам не превратился в сухого педанта. В этом отношении он будет *субъективен* независимо от того, сочувствует он *меньшинству* или *большинству*. Но такой субъективизм не мешает ему быть *совершенно объективным* историком, если только он не станет *искажать те реальные экономические отношения, на почве которых выросли борющиеся общественные силы*. Последователь же «*субъективного*» метода забывает об этих *реальных отношениях*, и потому он не может дать ничего, кроме своего драгоценного сочувствия или своей страшной антипатии, и потому он поднимает большой шум, упрекая своих

противников в оскорблении нравственности всякий раз, когда ему говорят, что этого мало. Он чувствует, что не может проникнуть в тайну реальных общественных отношений, и потому всякий намек на их объективную силу кажется ему оскорблением, насмешкой над его собственным бессилием. Он стремится потопить эти отношения в воде своего нравственного негодования.

Трудное это дело — объяснить весь исторический процесс, последовательно держась одного принципа. Но что прикажете? Наука вообще не легкое дело, если только это не «субъективная» наука: в той все вопросы объясняются с удивительной легкостью. И раз у нас уже зашла речь об этом, мы скажем г. Михайловскому, что, может быть, в вопросах, касающихся развития идеологий, самые лучшие знатоки «струны» окажутся подчас бессильными, если не будут обладать некоторым особым дарованием, именно *художественным чутьем*. Психология приспособляется к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества. Многому можно поучиться нам и у Ибсена, да и мало ли еще у кого? Будем надеяться, что со временем явится много таких художников, которые будут понимать, с одной стороны, «железные законы» движения «струны», а с другой — сумеют понять и показать, как на «струне», и именно благодаря ее движению, вырастает *«живая одежда» идеологии*. Вы скажете, что там, где замешалась поэтическая фантазия, не может не иметь места художественный произвол, фантастичность догадок. Конечно, так! дело не обойдется и без этого. И это прекрасно знал Маркс; потому-то он и говорит, что надо строго различать между *экономическим состоянием* данной эпохи, *которое можно определить с естественно-научной точностью, и состоянием ее идей*.

Диалектический материализм указывает те приемы, с помощью которых все это необъятное поле можно превратить в цветущий *сад идеала*. Он прибавляет только, что средства для этого превращения скрыты в *недрах самого этого поля, что надо только найти их и уметь воспользоваться ими*.

Диалектический материализм не ограничивает, подобно субъективизму, прав человеческого разума. Он знает, что права разума необъятны и неограниченны, как и его силы. Он говорит: все, что есть разумного в человеческой голове, т. е. все то, что представляет собою не иллюзию, а истинное познание действительности, непременно перейдет в эту действительность, непременно внесет в нее свою долю разумности. Отсюда видно, в чем заключается, по мнению материалистов-диалектиков, роль личности в истории. Далекие от того, чтобы сводить эту роль к нулю, они ставят перед личностью задачу, которую, употребляя обычный, хотя и неправильный, термин, надо признать *совершенно, исключительно идеалистической*. Так как человеческий разум может восторжествовать над слепой необходимостью, только побив ее собственные, внутренние законы, только побив ее собственной силой, то развитие знания, развитие человеческого сознания является величайшей, благороднейшей задачей мыслящей личности.

Марксу и Энгельсу нечего было «заботиться» о превращении Германии в Англию, или, как говорят теперь у нас, о служении буржуазии: буржуазия развивалась и без их усилий, и невозможно было остановить это развитие, т. е. не было таких общественных сил, которые способны были бы сделать это. Да и излишне было бы это делать, потому что старые экономические порядки были, в последнем счете, не лучше буржуазных и в сороковых годах настолько устарели, что стали *вредны для всех*. Но невозможность остановить развитие капиталистического производства еще не лишала мыслящих людей Германии возможности *служить благосостоянию ее народа*. У буржуазии есть свои неизбежные спутники: все те, которые действительно служат ее кошельку *в силу экономической необходимости*. Чем развитее сознание этих невольных слуг, тем легче их положение, тем сильнее их сопротивление Колупаевым и Разуваевым всех стран и всех народов. Маркс и Энгельс и поставили себе задачей развивать это самосознание: согласно духу диалектического ма-

териализма они с самого начала поставили перед собою *совершенно, исключительно идеалистическую задачу*.

Критерием идеала служит экономическая действительность. Так говорили Маркс и Энгельс, и на этом основании их заподозревали в каком-то экономическом молчалинстве, в готовности топтать в грязь экономически слабого и подслуживаться к экономически сильному. Источником таких подозрений было *метафизическое понимание того*, что разумели Маркс и Энгельс под словами *экономическая действительность*.

Русские ученики Маркса руководствуются не субъективным идеалом и не какой-нибудь «формулой прогресса», а обращаются к экономической действительности своей страны.

К какому же выводу пришел Маркс относительно России? «Если Россия будет продолжать идти путем, избранным ею после 1861 года, она потеряет одни из самых удобных случаев, который когда-либо исторический ход давал народу для минования всех перипетий капиталистического развития». Несколько ниже Маркс добавляет, что в последние годы Россия «довольно потрудилась» в смысле шествия по названному пути. С тех пор, как писано было это письмо (т. е. с 1877 года, прибавим мы от себя), Россия шла по этому пути все дальше и все быстрее.

Что же следует из «письма» Маркса?— Три вывода:

1) Пристыдил своим письмом он не русских своих учеников, а гг. субъективистов, которые, не имея ни малейшего понятия об его научной точке зрения, пытались переделать его самого по своему собственному образу и подобию, превратить его в *метафизика и утописта*.

2) Гг. субъективисты не *устыдились* письма по той простой причине, что, верные своему «идеалу», они и письма не поняли.

3) Если гг. субъективисты хотят рассуждать с нами по вопросу о том, как и куда идет Россия, то они в каждую данную минуту должны исходить из *анализа экономической действительности*.

Изучение этой действительности привело Маркса в семидесятых годах к *условному* заключению: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, на который она вступила со времени освобождения крестьян, то она сделается совершенно капиталистическою страной, а после этого, раз попавши под ярмо капиталистического режима, ей придется подчиниться

неумолимым законам капитализма наравне с другими народами-профанами. Вот и все!».

Вот и все. Но русский человек, желающий трудиться для блага своей родины, не может удовольствоваться таким условным выводом: у него неизбежно возникает вопрос: будет ли продолжать она идти по этому пути? Не существует ли данных, позволяющих надеяться, что путь этот будет ею оставлен?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо опять-таки обратиться к изучению фактического положения страны, к анализу современной ее внутренней жизни.

2. Г.В.Плеханов. «Очерки по истории материализма».

(цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М., 1956-1958. Т. 2. С. 33 – 193 выборочно)².

В трех очерках, отдаваемых мною на суд немецкого читателя, я делаю попытку истолковать и объяснить материалистическое понимание истории Карлом Марксом, которое является одним из величайших завоеваний теоретической мысли XIX столетия.

Я прекрасно сознаю, что мой вклад очень скромнен. Чтобы убедительно доказать всю ценность и все значение названного понимания истории, надо было бы написать полную историю материализма. Не имея возможности сделать это, я вынужден был ограничиться сравнением в отдельных монографиях французского материализма XVIII века с современным материализмом.

Из представителей французского материализма я выбрал Гольбаха и Гельвеция, которые, по моему мнению, являются по многим отношениям весьма крупными мыслителями и до нашего времени не получили надлежащей оценки.

Гельвеция много раз опровергали, на него часто клеветали, но мало кто дал себе труд понять его. При изложении критике его произведений мне пришлось работать, если позволено будет так выразиться, на девственной почве. Указаниями мне могли служить только несколько беглых замечаний, найденных мною в

сочинениях Гегеля и Маркса. Не мне судить, насколько правильно я использовал все, что взято мною у этих великих учителей в области философии.

Как и всякая современная философская система, материалистическая философия должна дать объяснение двух родов явлений: с одной стороны, природы, с другой – исторического развития человечества. Философы-материалисты XVIII века, во всяком случае то из них, которые примыкали к Локку, в такой же мере имели свою философию истории, как и свою философию природы. Чтобы убедиться в этом, достаточно только прочесть с некоторым вниманием их произведения. Поэтому историки философии безусловно должны были бы изложить и подвергнуть критике исторические идеи французских материалистов, как они изложили и подвергли критике их понимание природы. Эта задача, однако, не была решена.

В настоящих очерках я делаю попытку подойти к решению этой задачи. Но и не мог уделить ей должное внимание, и по весьма простой причине: прежде чем ответить на вопрос, почему развитие идей совершалось тем или иным образом, надо сперва уяснить себе, как шло это развитие. В применении к предмету наших очерков это значит, что объяснить, почему материалистическая философия развивалась так, как мы это видим у Гольбаха и Гельвеция в XVIII и у Маркса в XIX столетии, можно только после того, как ясно будет показано, чем были в действительности эта философия, которую так часто понимали неправильно и даже совершенно извращали.

Бесспорно слабая сторона французского материализма XVIII в., как вообще и всякого материализма до Маркса, состоит в почти полном отсутствии какой бы то ни было идеи эволюции. Правда, у таких людей, как Дидро, иногда бывали гениальные догадки, которые сделали бы честь самым выдающимся из наших современных эволюционистов; но эти произведения не были связаны с сущностью их учения, они были только исключениями и, как исключения, только исключениями из

правил. Будь то природа, мораль или история, «философы» приступали к ним при одинаковом отсутствии диалектического метода, с той же метафизической точкой зрения. Интересно проследить, как неутомимо старается Гольбах отыскать правдоподобную гипотезу о происхождении нашей планеты и человеческого рода. Окончательно разрешенные теперь эволюционным естествознанием проблемы представлялись философу XVIII ст. неразрешимыми.

...много ли найдется таких, которые давали бы нам иное суждение материалистической этике XVIII столетия? Лишь за самым небольшим исключением, на всем протяжении нашего столетия эта этика признавалась *шокирующей*, учением, недостойным почтенного ученого или уважающего себя философа, а такие люди, как Ламеттри, Гольбах и Гельвеций, считались опасными софистами, проповедующими лишь чувственные наслаждения и эгоизм.

Материалистическая философия XVIII века была философией революционной. Она была лишь идеологическим выражением борьбы революционной буржуазии против духовенства, дворянства и абсолютной монархии.

Итак, буржуазная собственность представляется Гольбаху в форме продукта труда самого собственника. Однако это ни в какой мере не мешает ему высоко ценить купцов и фабрикантов, этих «благотетелей, которые, обогащаясь сами, дают вместе с тем занятия и жизнь всему обществу». По-видимому, он все-таки правильно, хотя и не совсем ясно, понимал происхождение богатств «мануфактуристов».

Для феодальной собственности у Гольбаха другой язык. Собственников этого рода, «богатых и великих», он рассматривает как «чрезвычайно бесполезных или вредных членов общества» и без усталости нападает на них.

Буржуазию, представителем и защитником которой был Гольбах, он представлял себе как наичестнейшую, как

прилежнейшую, благороднейшую и образованнейшую часть нации. Он ужаснулся бы буржуазии сегодняшнего дня.

Непримиримая ненависть к деспотизму одушевляет собою почти все сочинения Гольбаха. Ясно чувствуется, что не какая-нибудь абстрактная теория, а печальная действительность лежит в основе всего того, что он говорит по этому вопросу.

Гольбах уважал свободу. Но он боялся «беспорядка» и был убежден, что в «политике, как и в медицине, насильственные средства всегда бывают наиболее опасны». Он охотно имел бы дело с монархом, лишь бы тот был немного «добродетельным».

Гельвеций обладал своеобразной манерой изложения своих теорий, которая способна была приводить в смущение сплетников.

В качестве светского человека и тонкого наблюдателя он прекрасно знал французское «общество» XVIII столетия; язвительный и сатирический писатель, он не упускал случая сказать этому обществу несколько истин...

То, что он говорил о своих современниках, принимали за его идеал.

Так же хорошо, как и все его современники, Гельвеций знал, что мы знаем тела лишь при посредстве ощущений, которые они в нас вызывают.

Но это не мешало Гельвецию быть убежденным материалистом.

Гельвеций не только был материалистом, но среди своих современников он с наибольшей «последовательностью» придерживался основной идеи материализма.

Что такое добродетель? Не было в XVIII столетии философа, который бы по-своему не обсуждал этого вопроса. Для Гельвеция вопрос этот весьма прост. Добродетели заключается в знании того, чем люди обязаны по отношению

друг к другу. Следовательно, она предполагает формирование общества.

Всеобщий интерес — вот мерило и основание добродетели. Наши поступки поэтому тем более порочны, чем вреднее они для общества. Они тем добродетельнее, чем они выгоднее для него.

Надо дать обществу организацию, которая могла бы научить его членов уважению к общему интересу. *Испорченность нравов* означает лишь разъединение общественного и частного интереса.

По Гельвецию, способности человека чрезвычайно изменчивы, но изменения не передаются от одного поколения к другому, так как их основание, способность к чувственному ощущению, остается неизменным. Взгляд Гельвеция является достаточно острым, чтобы заметить явления эволюции.

Согласно Гельвецию, все народы, находящиеся в одинаковом положении, имеют одинаковые законы, одинаковый дух, одинаковые страсти. По этой причине «у индейцев мы находим нравы древних германцев»; по этой причине «Азия, населенная по большей части малайцами, управляется нашими древними феодальными законами», по этой причине «фетишизм не только был первой религией, но культ его, еще до нашего времени сохранивший почти во всей Африке, некогда имел всеобщее распространение»; по этой же причине мифология греков являет много сходных черт с мифологией кельтов; по этой причине, наконец, у самых различных народов встречаются одинаковые поговорки. Вообще существует поразительная аналогия в учреждениях, духе и вере примитивных народов. Народы, подобно индивидуумам, гораздо больше, чем это кажется, походят друг на друга.

Интерес, потребность — это великие, единственные учителя человеческого рода. Почему голод является обычной причиной человеческих поступков? Потому, что из всех потребностей он чаще всего повторяющаяся, самая настоятельная, больше всего дающая себя знать. Он научает дикаря стигать луг, плести сети, ставить канканы для своей

добычи. Ему человечество обязано искусством делать землю плодородной и выковывать плуги, подобно тому как искусством строить и одеваться оно обязано потребности защищаться от суровости погоды. *Без потребностей человек не имел бы стимула к действию.*

В одном месте своей книги «О человеке», с которой мы главным образом имели дело в предыдущем изложении Гельвеций говорит, что он следует в своих выводах *за опытом и Ксенофонтom*. Это очень характерные слова. Подобно Гольбаху и другим «философам» своего времени, он довольно ясно видел роль классовой борьбы в истории. Но в оценке этой борьбы он не пошел дальше «Ксенофонта», т.е. *писателей древности*. По его мнению, классовая борьба порождает *тиранию, главным образом тиранию и ничего, кроме тирании*. Для него люди, «*лишенные собственности*», — только опасное оружие в руках честолюбивых богачей; они могут лишь продать себя каждому, «*кто захочет их купить*», и только к тому стремятся.

В соответствии с этим социальное движение представляет для него только *замкнутый круг*.

Гельвеций стоит за *общественное воспитание*. По его мнению, есть много оснований отдавать ему всегда предпочтение перед частным обучением. Он приводит только одно из них, но совершенно достаточное. Только общественное обучение воспитывает патриотов. Только оно одно в состоянии связывать в сознании граждан идею личного счастья со счастьем нации. Это тоже есть мысль буржуазного философа, осуществлением которой займется *пролетариат*, развив ее в соответствии с потребностями эпохи.

Но сам Гельвеций, как мы знаем, ничего не ожидал от пролетариата.

Гельвеций написал всего одну книгу — «Об уме»; другая книга, «О человеке», — это лишь пространная комментарии к первой.

Итак, он предпринял свой анализ с намерением найти *истинные принципы морали*, а вместе с тем и принципы *политики*.

Он понимал, что в человеческом развитии должна существовать какая-то «общая причина». Он не знал и не мог знать самой этой причины, так как у него не хватало фактов и необходимого метода. Она оставалась для него «*скрытой*», «*неясной*». Но это не делало его безутешным. Утопист утешал в нем философа.

Материалисты XVIII столетия полагали, что они покончили идеализмом. Старая метафизика была мертва и похоронена; «разум» ничего не хотел больше о ней слышать. Но скоро дело приняло другой оборот. Уже в эпоху «философов» в Германии начинается восстановление спекулятивной философии, а в течение первых четырех десятилетий нашего [XIX] века ничего не желают слышать уже о материализме, который в свою очередь считается мертвым и похороненным. Материалистическое учение кажется всему философскому и литературному миру, как оно казалось Гете, «серым», «мрачным» и «мертвящим»: «перед ним содрогались, как перед призраком». В свою очередь спекулятивная философия полагала, что ее соперник раз навсегда побежден.

И надо признать, что у последней было большое преимущество перед материализмом. Она изучала вещи в их *развитии*, в их *возникновении* и *уничтожении*. Но рассматривать вещи именно с этой последней точки зрения — значит отказаться от столь характерного для просветителей способа рассмотрения, который, удаляя из явлений все внутреннее движение жизни, превращает их в окаменелости, природу и связь которых невозможно понять. Титан идеализма XIX века, Гегель, не переставал бороться с этим способом рассмотрения...

Для Гегеля природа была лишь «*инобытием*» абсолютной идеи.

Несмотря на свое враждебное отношение к материализму, Гегель ценил в нем его *монистическую тенденцию*.

Материалистическое понимание истории избавляет нас, наконец, от всех этих противоречий. Хотя оно и не дает нам магической формулы – было бы глупо требовать таковой, дающей нам возможность в одну минуту разрешить все проблемы духовной истории человечества, однако оно выводит нас из заколдованного круга, указывая нам верный путь научного исследования.

Мы уверены, что не один из наших читателей будет искренно изумлен, услышав от нас, что для Маркса проблема истории в известном смысле была также *психологической проблемой*.

Маркс тем более должен был указать на разрешение *«психологической проблемы»*, что он ясно видел, в каком заколдованном кругу запутался занимавшийся ею идеализм.

Итак, Маркс говорит почти то же самое, что и Тэн, только *немножко другими словами*.

Данная степень развития производительных сил; взаимоотношения людей в процессе общественного производства, определяемые этой степенью развития; форма общества, выражающая эти отношения людей; определенное состояние духа и нравов, соответствующее этой форме общества; религия, философия, литература, искусство, соответствующие способностям, направлениям вкуса и склонностям, порождаемым этим состоянием, - мы не хотим сказать, что эта «формула» охватывает все, - совсем нет! – но, как нам кажется, она имеет бесспорное преимущество, что она лучше выражает причинную связь, существующую между различными «членами ряда».

Маркс опрокинул идеалистическое понимание истории. Но это не значит, что он вернулся к точке зрения простого *взаимодействия*, объясняющей еще меньше, чем точка зрения народного духа. Его философия истории тоже монистична, но в смысле, диаметрально противоположном гегелевскому.

Диалектический материализм рассматривает явления в их развитии. Но с эволюционной точки зрения столь же нелепо говорить, что люди *сознательно* приспособляют свои идеи и свои моральные чувства к своим экономическим условиям, как утверждать, что животные и растения *сознательно* приспособляют свои органы к условиям своего существования. В обоих случаях перед нами *бессознательный* процесс, которому надо дать материалистическое объяснение.

Развитие товарного производства ведет к разрушению первобытной общины, в недрах рода возникают новые интересы, порождающие в конце концов новую политическую организацию; начинается классовая борьба со всеми своими неизбежными последствиями в области политической, моральной и интеллектуальной эволюции человечества. Его международные отношения становятся все более сложными и порождают явления, которые на первый взгляд как будто противоречат исторической теории Маркса.

Мы уже видели, что *географическая среда* имела большое влияние на историческое развитие народов. Теперь мы видим, что *международные отношения* имеют, быть может, еще большее влияние на это развитие. Совместное влияние географической среды и международных отношений объясняет нам те огромные различия, которые мы находим в исторических судьбах народов, *несмотря на то, что основные законы социальной эволюции повсюду одни и те же*. Как видим, марксово понимание истории не только не «ограничено» и не «односторонне», но, напротив, оно открывает перед нами огромное поле для исследования.

Часто в материалистическом понимании истории видят такое учение, которое провозглашает подчинение людей ярму непримиримой, слепой необходимости. Не ничего превратнее этого представления! Именно материалистическое понимание истории указывает людям путь, который приведет их *из царства необходимости в царство свободы*.

Материалисты могли только наполовину верить в свое божество – «разум», так как в их теории это божество постоянно наталкивалось на железные законы материального мира, на слепую *необходимость*.

Детерминизм «философов» не шел дальше в понимании роли необходимости в истории; поэтому для них историческое развитие было также подчинено *случайности*, этой разменной монете *необходимости*. Свобода оставалась чем-то противоположным необходимости, и материализм не был в состоянии, как указал Маркс, понять *человеческой деятельности*.

Только Маркс, рассматривая «человеческую практику», сумел, ни на одну минуту не отказываясь от теории «материальности человека», примирить «разум» и «необходимость». Человечество «*ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как, при ближайшем рассмотрении, всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления*». [Маркс К. «К критике политической экономии». Предисловие, стр. VI].

Буржуазия в наши дни стала реакционным классом: она стремится «*повернуть колесо истории вспять*». Ее идеологи даже не в состоянии *понять* огромное научное значение открытый Маркса. Зато пролетариат пользуется его исторической теорией как самым надежным руководителем в своей борьбе за освобождение.

3. Г.В.Плеханов. «К вопросу о роли личности в истории». (цит. по кн.: Г.В.Плеханов. Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М., 1956-1958. Т. 2. С. 311 – 334 выборочно)³.

Дело в том, что в течение последнего времени между немецкими историками шел довольно горячий спор о великих людях в истории. Одни были склонны видеть в политической деятельности таких людей главную и чуть ли не единственную пружину исторического развития, а другие утверждали, что такой взгляд односторонен и что историческая наука должна иметь в виду не только деятельность великих людей и не только политическую историю, а вообще все совокупность исторической жизни...

Взгляды Гизо, Минье и других историков этого направления являлись как реакция историческим взглядам восемнадцатого века и составляют их *антитезу*. В восемнадцатом веке люди, занимавшиеся философией истории, все сводили к *сознательной деятельности личностей*. Были, правда, и тогда исключения из общего правила; так, философско-историческое поле зрения Вико, Монтескье и Гердера было гораздо шире. Но мы не говорим об исключениях; огромное же большинство мыслителей восемнадцатого века смотрело на историю именно так, как мы сказали. В этом отношении очень любопытно перечитывать в настоящее время исторические сочинения, например, Мабли. У Мабли выходит, что Минос целиком создал социально-политическую жизнь и нравы критян, а Ликург оказал подобную же услугу Спарте.

А если спартанцы покинули впоследствии путь, указанный им мудрым Ликургом, то в этом виноват был Лизандр, уверивший их в том, что «новые времена и новые обстоятельства требуют от них новых правил и новой политики». Исследования, написанные с точки зрения такого взгляда, имели очень мало общего с наукой и писались как проповеди, только ради будто бы вытекающих из них нравственных «уроков». Против таких-то взглядов и восстали французские историки времен реставрации. После потрясающих событий конца XVIII века уже решительно невозможно было думать, что история есть дело более или менее выдающихся и более или менее благородных и просвещенных личностей, но своему произволу внушающих непросвещенной, но послушной массе те или другие чувства и понятия. К тому же

такая философия истории возмущала плебейскую гордость теоретиков буржуазии.

Выходит, что личности благодаря данным особенностям своего характера могут влиять на судьбу общества. Иногда их влияние бывает даже очень значительно, но как самая возможность подобного влияния, так и размеры его определяются организацией общества, соотношением его сил. Характер личности является «фактором» общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения.

Нам могут заметить, что размеры личного влияния зависят также и от талантов личности. Мы согласимся с этим. Но личность может проявить свои таланты только тогда, когда она займет необходимое для этого положение в обществе. Почему судьба Франции могла оказаться и руках человека, лишенного всякой способности и охоты к общественному служению? Потому что такова была ее общественная организация. Этой организацией и определяются в каждое данное время те роли, — а следовательно, и то общественное значение, — которые могут выпасть на долю даровитых или бездарных личностей.

Но если роли личностей определяются организацией общества, то каким же образом их общественное влияние, обусловленное этими ролями, может противоречить понятию о законосообразности общественного развития? Оно не только не противоречит ему, но служит одной из самых ярких его иллюстраций.

Но тут надо заметить вот что. Обусловленная организацией общества возможность общественного влияния личностей открывает дверь влиянию на исторические судьбы народов так называемых *случайностей*.

Влиятельные личности благодаря особенностям своего ума и характера могут изменять индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия, но они не могут изменить их общее направление, которое определяется другими силами.

Чтобы человек, обладающий талантом известного рода, приобрел благодаря ему большое влияние на ход событий, нужно соблюдение двух условий. Во-первых, его талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам данной эпохи; если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время.

Итак, личные особенности руководящих людей определяют собою индивидуальную физиономию исторических событий, и элемент случайности, в указанном нами смысле, всегда играет некоторую роль и ходе этих событий, направление которого определяется и последнем счете так называемыми общими причинами, т. е. на самом деле развитием производительных сил и определяемыми им взаимными отношениями людей в общественно-экономическом процессе производства. Случайные явления и личные особенности знаменитых людей несравненно заметнее, чем глубоко лежащие общие причины. Восемнадцатый век мало задумывался об этих общих причинах, объясняя историю сознательными поступками и «страстями» исторических деятелей. Философы того века утверждали, что история могла бы пойти совершенно другими путями под влиянием самых ничтожных причин, — например, вследствие того, что и голове какого-нибудь правителя зашалил бы какой-нибудь «атом».

Но если индивидуальные черты событий обуславливаются влиянием общих причин и не зависят от личных свойств исторических деятелей, то выходит, что эти черты *определяются общими причинами* и не могут быть изменены, как бы ни изменялись эти деятели. Теория принимает, таким образом, *фаталистический* характер.

В настоящее время нельзя уже считать человеческую природу последней и самой общей причиной исторического движения: если она постоянна, то она не может объяснить крайне изменчивый ход истории, а если она изменяется, то, очевидно, что ее изменения сами обуславливаются историческим движением. В настоящее время последней и самой общей причиной исторического движения человечества надо признать развитие производительных сил, которым обуславливаются последовательные изменения в общественных отношениях людей. Рядом с этой *общей* причиной действуют *особенные* причины, т. е. та *историческая обстановка*, при которой совершается развитие производительных сил у данного народа и которая сама создана в последней инстанции развитием тех же сил у других народов, т. е. той же *общей* причиной.

Наконец, влияние *особенных* причин дополняется действием причин *единичных*, т. е. личных особенностей общественных деятелей и других «случайностей», благодаря которым события получают, наконец, свою *индивидуальную физиономию*. *Единичные* причины не могут произвести коренных изменений в действии *общих* и *особенных* причин, которыми к тому же обуславливаются направление и пределы влияния единичных причин. Но все-таки несомненно, что история имела бы другую физиономию, если бы влиявшие на нее единичные причины были заменены другими причинами того же порядка.

Великий человек велик не тем, что его личные особенности придают индивидуальную физиономию великим историческим событиям, а тем, что у него есть особенности, делающие его наиболее способным для служения великим общественным нуждам своего времени, возникшим под влиянием *общих* и *особенных* причин.

Великий человек является именно начинателем, потому что он видит *дальше* других и хочет *сильнее* других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин

удовлетворения этих нужд. Он – герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом – все его значение, в этом – вся его сила. Но это – колоссальное значение, страшная сила.

Никакой великий человек не может навязать обществу такие отношения, которые *уже* не соответствуют состоянию этих сил или *еще* не соответствуют ему. В этом смысле он, действительно, не может делать историю, и в этом случае он напрасно стал бы переставлять свои часы: он не ускорил бы течение времени и не повернул бы его назад.

В общественных отношениях есть своя логика: пока люди находятся в данных взаимных отношениях, они непременно будут чувствовать, думать и поступать именно так, а не иначе. Против этой логики тоже напрасно стал бы бороться общественный деятель: естественный ход вещей (т. е. эта же логика общественных отношений) обратил бы в ничто все его усилия. Но если я знаю, в какую сторону изменяются общественные отношения, благодаря данным переменам в общественно-экономическом процессе производства, то я знаю также, в каком направлении изменится и социальная психика; следовательно, я имею возможность влиять на нее. Влиять на социальную психику – значит влиять на исторические события. Стало быть, в известном смысле я все-таки *могу делать историю*, и мне нет надобности ждать, пока она «сделается».

И не для одних только «начинателей», не для одних «великих» людей открыто широкое поле действия. Оно открыто для всех, имеющих очи, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, и сердце, чтобы любить своих ближних. Понятие *великий* есть понятие относительное. В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя».

4. Г.В.Плеханов. «Философские и социальные воззрения К.Маркса». (Речь) (цит. по кн.: Избр. филос. произв. В 5-ти тт. М., 1956-1958. Т. 2. С. 450—453 выборочно)⁴.

Философия Маркса является логическим и неизбежным следствием философии Гегеля — вот что говорят нам часто те, кто трактует вопрос о происхождении современного социализма. Это верно, но это не все. Далеко не все. Маркс наследовал Гегелю, как Юпитер наследовал Сатурну,— низложив его с его трона. Появление материалистической философии Маркса — это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли. И, чтобы оценить все значение этой революции, необходимо бросить взгляд на состояние материалистической философии в XVIII веке. Материализму того времени — этой смелой и воинствующей философии — была почти совершенно чужда идея эволюции в природе и в человеческом обществе. Правда, один из ее самых выдающихся умов того времени, Дени Дидро, часто высказывал взгляды, которые сделали бы честь нашим современным эволюционистам.

В первую половину нашего столетия мы присутствуем при полной реабилитации идеалистической философии. И слышать больше не хотят о материализме: о нем отзываются с крайним презрением. Но если вы сравните идеалистическую философию XIX столетия с философией, предшествовавшей расцвету материализма в прошлом столетии, то вы увидите, что сильную сторону идеализма нашего века составляет именно идея эволюции, которая была неизвестна материалистам. Так поплатился материализм за свою ошибку!

Со своей стороны и идеалистическая философия нашего века оказалась неспособной разрешить проблему эволюции. Логические законы эволюции идеи — вот орудие, которое эта философия пускает в ход каждый раз, когда нужно выяснить законы эволюции вселенной и рода человеческого. Но

логические законы эволюции идеи ничего не объясняют нам в природе и в обществе. И идеалисты вынуждены были обратиться к обыкновенным фактам и законам, к фактам и законам природы, к фактам и законам социальной истории.

В настоящее время в социологической литературе много говорят — и часто совсем неправильно — об эволюции. Но недостаточно констатировать постоянное изменение общественных отношений, — нужно найти движущую силу этого изменения. Дарвин не ограничился констатированием изменения видов,— он показал, что причиной этого изменения является борьба за существование. Чем же обуславливается изменение общественных отношений? Каково происхождение различных видов общественного устройства?

Маркс доказал, что экономический строй человеческого общества является основой, эволюцией которой объясняются все другие стороны общественной эволюции. И в этом его главная заслуга, более важная даже, чем то, что он дал и своим «Капитале» несокрушимую критику современного общества. Историческая теория нам впервые дала ключ к пониманию человеческой эволюции. От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества.

В настоящее время мы присутствуем при ожесточенной борьбе, борьбе не на жизнь, а на смерть, между пролетариатом и буржуазией, между теми, кто трудится, и теми, кто захватывает продукты их труда. Маркс описал нам фазисы этой борьбы и указал ее неизбежный исход. Он стал на сторону угнетенных, он призвал их к организации, к международному единению. И пролетарии массами ответили на этот призыв. Не прошло еще пятидесяти лет с той поры, как раздались великие слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — а красное знамя международного социализма гордо развевается уже во всех странах, захваченных капиталистической системой.